

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯН ТАМБОВСКОГО И КОЗЛОВСКОГО ОКРУГОВ В 1930–1933 гг. НА ОСНОВЕ СВОДОК И ПЕРЕПИСОК ОГПУ

© Андрей Владимирович ЖИГУЛЬСКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра российской истории,
e-mail: zhigulskq@yandex.ru

Проведено исследование общественно-политических настроений крестьян в период массового колхозного строительства. Рассматриваются особенности формирования полярных позиций среди сельчан к мероприятиям Советской власти. Анализируются причины, ход и последствия крестьянских выступлений в 1930 г., а также меры государства по ликвидации «очагов недовольства». Определены географические рамки распространения протестных настроений. Проведено количественное сравнение размаха крестьянских волнений в Тамбовском и Козловском округах. Рассмотрены причины активности в одних районах и инерции в других. Особое внимание уделено изучению общественно-политических взглядов крестьян в районах «антоновщины». Отдельно рассматриваются условия возникновения преступности и бандитизма, а также характер и масштаб совершаемых действий. Исследуется позиция местного населения к данной категории людей, способы борьбы власти с ростом преступности в регионе. Дается оценка роли «бабьих бунтов» в дестабилизации ситуации на местах. Источниковую базу исследования составили сводки и переписки ОГПУ, содержащиеся в фондах Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области. Доступ к данному историческому источнику долгое время был закрыт, что не давало возможности всесторонне рассмотреть общественно-политические настроения. Полученные результаты позволяют выявить особенности взаимоотношения власти и крестьянской части общества на этапе социалистического строительства в СССР.

Ключевые слова: ОГПУ; общественно-политические настроения; Тамбовский и Козловский округа; коллективное хозяйство; крестьянские выступления; бандитизм; «бабьи бунты»; «пассивное сопротивление».

Отечественными историками активно изучаются советские социальные и экономические преобразования конца 1920-х – начала 1930-х гг. Однако было немного попыток комплексного рассмотрения их влияния на общественно-политические настроения крестьян. Попробуем на тамбовском срезе восполнить данный пробел.

Изучение общественно-политических настроений крестьянства Тамбовского и Козловского округов Центрально-Черноземной области в 30-е гг. XX в. позволяет глубже рассмотреть проблему исторических взаимоотношений крестьянства с властью, а также позволяет выявить отношение самого многочисленного слоя населения (доля крестьян к концу 1920-х гг. в исследуемых округах составляла более 80 %) к основным мероприятиям государства.

Анализ общественных настроений проводился на основе сводок и переписок ОГПУ. Данный источник достаточно информативен, но не всегда объективен из-за того, что ОГПУ было нацелено на борьбу с контрреволюцией и терроризмом. Поэтому его сводки и фиксировали лишь тревожные для

государства события и процессы. Лояльные мысли и действия в сводках политической полиции не отражались, что следует учесть в нашем анализе. Кроме того, долгое время (до начала 1990-х гг.) доступ исследователей к сводкам ОГПУ был закрыт, что не давало возможности всесторонне рассмотреть общественно-политические настроения.

Сводки ОГПУ готовились для руководства страны, которому необходимо было знать реальное положение дел на местах. Это подтверждает их «тираж» – от 5–7 до 30–40 экз., особые сорта бумаги (в большинстве случаев мы имеем дело с ее низким качеством, что не позволяло долго хранить документы при частом обращении к ним), а также очень быстро установившийся режим их полной секретности. Но, по существу, это единственный в своем роде источник, который создавался для повседневной регистрации всего происходящего в жизни населения страны, его настроений и движений. В реальности сотрудники ОГПУ обозначали этими терминами отношения не только сугубо политического (отношение к советской власти, ее органам), но и экономического (к хлебозаготовкам,

сельхозналогу), социального, правового (лишение избирательных прав), религиозного характера (закрытие церквей и репрессии священнослужителей). В настроениях отражались и выражались и другие компоненты обыденного сознания, вроде потребностей, интересов, желаний различных слоев общества. Поэтому, давая характеристику политическим настроениям, мы неизбежно затрагиваем и раскрываем и эти элементы массового сознания. В конечном счете, оказалось, что данный материал спецслужб был призван воссоздавать наиболее полную картину положения в регионе, но это не всегда получалось в связи с однобокостью суждения. Документы ОГПУ также зафиксировали реальные черты обыденного сознания рядового человека. Безусловно, как и всякий источник, сводки ВЧК – ОГПУ – НКВД пронизаны идеологическими установками.

А) Антиколхозные настроения и протесты.

Курс на социалистическое строительство в СССР как отдельной взятой стране стал реализовываться в конце 1925 г., когда государство накопило материальные и человеческие силы для реализации столь масштабного проекта. Важнейшими частями данной программы стали сплошная коллективизация крестьянских хозяйств и индустриализация. В Тамбовском регионе массовое колхозное строительство началось в 1929 г. и, как во всех районах СССР, шло довольно трудно, встречая сопротивление местного населения. Еще в конце 1920-х гг. постоянно растущие сельскохозяйственный налог и размеры хлебазаготовки вызывали недовольство и возмущение крестьянства. Программу строительства коллективных хозяйств, которую развернули повсеместно, оно и вовсе не желало принимать. В это же время происходит решительный поворот от политики своеобразного «приспособленчества» и экономической борьбы (забастовки, бойкот и саботаж) к открытой борьбе против советской власти. В 1930 г. на территории Тамбовского и Козловского округов ОГПУ отмечаются случаи выступления крестьян по вопросу коллективизации. Так, «16 февраля в селе Стежки Сосновского района Козловского округа на почве сбора семенного фонда возникло массовое выступление под лозунгом «Семфонд не дадим!». К выступлению присоединились соседние села Малые и Большие Пупки» [1]. Протест принял впечатляющий размах. В

нем участвовало около 3 тыс. человек. Несколькими днями ранее массовые выступления произошли в Березовском районе Козловского округа в селах Их лево, Теплое, Ярославское, Тужиловка, Головищево, Лемихино. Попытка решить конфликт мирным способом не увенчалась успехом, поэтому власти применили огонь, в результате чего несколько человек погибли. Так как данные выступления приняли затяжной характер, местные партийные ячейки были усилены активистами и агитаторами-коммунистами в количестве 100 человек. Начальник оперативного отдела ОГПУ, не видя шансов договориться с крестьянами, попросил у вышестоящего начальства разрешения на использование для подавления бунта отдельных проверенных частей РККА из других районов области. Это был один из первых случаев после «антоновщины», когда местная власть оказалась неспособной решить проблемы своими силами. Заметим, что нами не найден документ, подтверждающий или опровергающий применение частей РККА. Однако сам факт обсуждения этого говорит о чрезвычайном положении в некоторых районах региона в 1930 г.

Происходящими событиями были обеспокоены в Москве, поэтому уже в апреле 1930 г. в Центрально-Черноземную область направляется специальная комиссия для выяснения истинных причин конфликта и наведения порядка на местах. Расследование показало, что «в процессе проведения коллективизации имели место массовые перегибы и грубые политические извращения директив партии... Работа по коллективизации в ряде районов проводилась декретированием сверху, без организационно-хозяйственного укрепления колхозов, при совершенно недостаточном проведении массовой общественно-политической работы с беднотой, батрачеством и середняком, что при наличии ошибок и искривлений создало благоприятные условия для кулацких антиколхозных выступлений, принимавших контрреволюционный характер в ряде районов округа. Несмотря на предупреждение и указание обкома от 26 марта 1930 г., со стороны Козловского окружкома не было принято своевременных и решительных мер к действительному исправлению ошибок и извращений линии партии и директив ЦК и обкома» [2, д. 338, л. 109]. В итоге, руководителей окружкома освободили от занимаемых должностей. Причиной про-

изошедшего события стала сложная ситуация в ряде районов округа (Березовский, Добровский, Избердеевский, Ламский, Раненбургский, Сосновский), о чем говорили еще в 1929 г. Так, в результате очередной проверки Сосновской районной партийной организации (проходила 13–22 июня 1929 г.) выяснилась «значительная засоренность чуждыми элементами ячейки, <...> агитация ряда коммунистов против колхозов, выступление против хлебозаготовок, <...> укрытие кулаков, <...> наличие в районе хулиганства, бандитизма, <...> пьянства, пассивного отношения к работе, недостатка активности» [2, д. 210, л. 92-96]. Выявленные недостатки показали, что в ряде районов складывается «нездоровая» обстановка, которая в любой момент могла выйти из-под контроля.

Масштаб волнений, связанных с начавшейся коллективизацией, не ограничивался только вышеотмеченными населенными пунктами. Крестьянские выступления произошли во многих районах Козловского округа. Так, в селах Подворки, Савелово, Ново-Гаритово Избердеевского района 23–25 февраля 1930 г. восставших было около 1000 человек. Государственное политическое управление связывало это с агитационной деятельностью кулаков, которым легко удавалось смутить «порядочных» колхозников неудачами первых месяцев колхозной жизни. Отличительной чертой данного волнения была пестрота социального состава участников. Абсолютное большинство составляли зажиточные крестьяне и середняки, а также немногие бедняки. Разъяренная публика с вилами и топорами в руках, угрожая активистам и представителям советской власти убийствами, разобрала ранее обобществленное имущество и скот. Местная власть в данном случае прореагировала быстро и грамотно. Понимая сложность ситуации, райком и райисполком первоначально ограничились методами разъяснения и пропаганды, а позже всех инициаторов и организаторов выявили и посадили. Однако власть не была уверена в долговечности наступившего мира на селе и ожидала в ближайшем времени нарушения данного спокойствия. Исходя из этой ситуации, оценка благонадежности давалась по социальным группам, а не в целом, как раньше, и выглядела так: «кулацкая часть до безобразия обнаглела и открыто выступает против всех мероприятий, проводимых партией и правительством, не желая совершенно

подчиниться местным властям, середняцкая часть по определенным слоям – колеблется; бедняцкая часть – хорошая» [2, д. 377, л. 1].

Большинство массовых выступлений этого времени сопровождались физическим насилием над представителями местной власти, коммунистами, колхозниками, советскими активистами из бедноты и середнячества.

Стоит отметить, что в Тамбовском округе такого широкого крестьянского волнения в 1930 г., как в Козловском, не было, что выглядит странным, на первый взгляд, т. к. именно здесь в 1920–1921 гг. произошло Антоновское восстание. Этому есть ряд объяснений. Советская власть, подавляя восстание, репрессировала повстанцев и их семьи. Наиболее активных участников и пособников бандформирований она либо уничтожила физически, либо выселила далеко за пределы тогдашней губернии. К тому же в конце 1920-х гг. Тамбовский округ был разделен на множество районов, что позволяло властям полностью контролировать ситуацию на местах. Необходимо помнить и то, что «антоновщину» и события 1930 г. разделяют всего 9 лет, и опыт восстания и его подавления был свеж в памяти и изменил мировоззрение очень многих сельчан. Жители недавних «бандитских» районов не желали повторения уже пережитого ужаса расправы властей над восставшими, поэтому решили не участвовать в выступлениях против колхозов.

На рис. 1 показаны антиколхозные выступления 1930–1931 гг. в Козловском и Тамбовском округах: места массовых протестов отмечены черно-красными кружками (28 всего); «демографический мешок» (зона «антоновщины») 1920–1921 гг. и ее подавления) отмечен пунктирной красной линией. Желтой заливкой отмечены районы, из колхозов которых после статьи И. Сталина «Головокружение от успехов» вышло в совокупности более 100 крестьянских дворохозяйств. Нет заливки в районах с выходом из колхозов от 40 до 100 хозяйств. Числитель приведенных конкретных порайонных дробей – число вышедших хозяйств, знаменатель – число хозяйств, вернувшихся в колхозы.

В целом, говоря про характер требований крестьянских протестов, можно утверждать, что это был бунт общинной традиции против советской модернизации, большевистского варианта решения российского аграрного вопроса. Восставшие люди стремились вернуться к старым порядкам [3, с. 136].

существовала и немалая доля людей, поддержавших курс на коллективизацию, что объяснялось исторической двойственностью традиционной русской деревни, находившей многие удобства в создаваемых колхозах. Уравнительный принцип, патерналистская государственная поддержка трудящегося, наказание мироеда и бандита, возможности социальной мобильности для честного и способного и другие положительные стороны «советского проекта» находили отклик в массах, особенно среди молодых. В своей основе колхозы напоминали дореволюционную общину, в которой взаимопомощь и взаимовыручка являлись необходимым условием существования. Все возникающие проблемы (жилье, питание и т. д.) в жизни крестьянина теперь не требовали самостоятельного разрешения, т. к. государство, как раньше община, все заботы брало на себя. Обыкновенный труженик был обязан выполнять лишь конкретный вид работы, который ему определяли в колхозе. Также беднота смогла поправить свое имущественное положение, участвуя в раскулачивании, и изменить социальный статус, занимая административные должности (например, бригадира).

Незначительная часть крестьянства заняла промежуточную позицию, в зависимости от ситуации поддерживая то противников колхозов, то их сторонников. ОГПУ видело причину данного явления в складывающейся ситуации в стране, когда ужесточилась классовая борьба и сохранялись родственные и иные связи кулаков с колхозниками, а также усилилась контрреволюционная агитация. Все это вселило в данную группу людей страх, неуверенность и колебания. Человек оказался на распутье – что делать, кого поддержать? Государство обещало светлое будущее, но, насколько оно будет хорошим и как долго его ожидать, никто не мог определенно сказать. Данная часть крестьянства своей неопределенностью, непредсказуемостью в поведении и действиях часто затрудняла анализ политического положения. Так, в архивных документах отмечены случаи, когда крестьянин, взяв лошадь с общественного двора после разрешения выхода из колхоза, на второй день ведет ее обратно и подает заявление о приеме в колхоз [2, д. 377, л. 21]. Его позицию определить непросто, и таких действий много, что позволяет утверждать о неодно-

значном отношении крестьян к коллективизации.

Б) Рост преступности как результат «великого перелома».

Коллективизация вызвала в стране серьезные и неуправляемые миграционные процессы, взрыв вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, включая девиантное поведение. Так, одним из последствий «великого перелома» стала активизация уголовной преступности в самых опасных ее формах – бандитизм, терроризм, убийства, которые приняли угрожающие размеры. Естественно, что росло число и таких бытовых преступлений, как хулиганство и воровство. Люди, вырванные из привычной среды обитания и не перестроившиеся на новые отношения, ломались при первых же неудачах и выбирали легкий, но «скользкий путь» решения всех своих проблем. Показателен и социальный состав банд. В основном они формировались из людей, отверженных обществом по социально-политическим причинам: действительных кулаков, крестьян, которых обвиняли в кулачестве, либо обыкновенных уголовных преступников. В бандах в растущей доле присутствовала молодежь.

Большевики в своих нормативно-правовых актах, в печати давали как политическую, так и правовую оценку росту преступности, будучи едины в одном – с ней необходимо бороться самым беспощадным способом. Безусловно, для советской власти на местах всплеск преступности представлял реальную угрозу. Особенно тревожили районы недавнего «массового распространения бандитизма» с крупными городами или важными транспортными сетями, в которых действовали поднявшие голову «переходящие бандформирования». Таким беспокойным районом стал город Козлов, через который проходила важная железнодорожная магистраль, и его ближайшая округа. Проконтролировать приезжающих и уезжающих в данном крупнейшем транспортном узле было сложно, поэтому ОГПУ пристально следило за этим городом.

В начале 1930-х гг. множество людей были вынуждены покинуть свои родные места из-за насильственного строительства колхозов и отправиться в промышленные центры в поисках лучшей доли. Таким образом, наиболее активная, подвижная и зачастую радикальная часть крестьянства стала появляться и в Козлове как своеобразном перева-

лочном пункте, создавая или пополняя уже существовавшие банды. Всплеск их активности в 1931–1932 гг. ОГПУ рассматривало как терроризм, направленный на дезорганизацию положения на местах. С этой оценкой можно отчасти согласиться, т. к. люди, попадая в банды, совершали не только общеуголовные, но и «политические» преступления (убийства и вооруженные грабежи неприемлемы для любой власти и в любом обществе). Немало преступников было из местного населения. Когда деревня жила общинным строем, каждый человек был на виду и под контролем «мира». Община сама проводила профилактику и воспитание своих членов, падавших до нарушений обычаев деревни, самостоятельно вела расследование, судила и приводила в исполнение свои приговоры. Теперь все изменилось. Крестьянский мир окончательно распался с массовой коллективизацией. Люди, не желавшие вступать в колхозы, уезжали в города. Не всем удавалось удачно устроиться, т. к. у многих не было паспортов и прописки, а также рабочих специальностей. Из подобного контингента набирался «человеческий материал» для банд, которые нападали на путников, на продовольственные и промтоварные склады, сберкассы. Та часть преступников, которая не пожелала уезжать из деревни, совершала преступления в отношении представителей местной власти. В глазах населения они были убийцами и уголовниками, которые своими действиями только усугубляли и без того тяжелую жизнь. Поэтому общество с величайшим удовлетворением встречало обвинительные приговоры и часто требовало от органов правосудия применения к бандитам высшей меры наказания – расстрела. Жалости народ к преступникам не испытывал.

Бандитизм распространился на многие районы Тамбовщины, становясь организованной до констатации, что «местное крестьянство в сильной степени было терроризировано» [2, д. 222, л. 8]. Так, в течение периода с августа 1930 по март 1931 г. в пределах только Козловского округа было выявлено и уничтожено 17 банд. В отношении членов 14 из них была применена высшая мера наказания – расстрел. К сожалению, документы ОГПУ представляют нам скудную информацию, поэтому достаточно сложно узнать подробности преступлений, было ли это их первым преступлением или они регулярно

нарушали закон. Численный состав банд был невелик, редко превышая 3–5 человек.

В) Гендерный аспект антиколхозного поведения.

Активную роль в крестьянских восстаниях 1930–1931 гг. играли женщины. Именно они оказывались в авангарде крестьянского сопротивления, нередко самостоятельно, без мужчин, выступая против действий власти. «В 9 часов 20/II начались группировки у домов женщин, в результате к 12 часам организовывались в 3 пунктах массовые выступления женщин – кулачек и зажиточных, и некоторой части беднячек и середнячек <...> до 3000 человек. Были избиты школьные работники – муж и жена Кашеневы, при чем первого пытали и насиловали произвести религиозные действия <...> Все колонны были вооружены кольями, палками длиной 5 аршин и молотками <...> задержано всего непосредственных руководителей 50 человек, из них активных руководителей волнения 23 человека, из которых мужчин 6 человек» [7, д. 377, л. 21].

Данное явление называют «бабьими бунтами». Государство долгое время не обращало должного внимания на участие женщин в антигосударственной деятельности, связывая протесты сельчанок с влиянием мужчин-агитаторов, кулаков, которые использовали «склонность «бабы» к безрассудной истерии в своих контрреволюционных целях» [5]. Партия ошиблась в своих оценках. Это был протест женщин, основанный на традиционных крестьянских заботах, морали и политическом сознании. Они были способны не только выдвигать обоснованные возражения против колхозов, но и организовывать соответствующие акции мирного характера (демонстрации, бойкотирование собраний). Это стало своеобразным ответом на разрушительные действия властей. Как быстро убедилось ОГПУ, более половины всех выступлений произошло на почве коллективизации и связанных с ней проблем. Также отмечалась высокая степень организации и настойчивости женских протестных движений. Нередким случаем было патрулирование и выставление постов для охраны своего имущества. Партия, осознавая сложность ситуации, к июню 1930 г. разослала директивы по всем районам комитетам, требуя в них активизировать деятельность райженорганизаций. Им вменялось в вину отсутствие «массовой работы среди крестьянок» [2, д. 327, л. 26]. По-

нимая, что обстановка напряженная, окружные отделы потребовали мобилизовать все силы комсомолок и актив крестьянок для проведения по селам общих собраний по разъяснению важности хлебозаготовительной кампании, а также регулярно все это освещать в печати.

Характерную позицию заняли мужчины. Пропуская толпу женщин и детей вперед, они предпочитали оставаться в тени и не участвовать открыто в восстании. Опасность быть привлеченным к уголовной ответственности удерживала их от резких действий. Главы семей находились в момент волнения в центре борьбы, в случае крайней необходимости они способны были прийти на помощь. Активное участие в этом процессе женщин должно было предотвратить насилие со стороны власти и, если до него все-таки доходило, деполитизировать акт протеста. Сложилось убеждение, что их «бабам» за это ничего не будет, а если и задержат, то приговор будет существенно мягче, чем мужчинам. Данная тактика позволяла избегать участия и в работе колхоза. Крестьяне отказывались посещать собрания по вопросам коллективизации, командируя вместо себя женщин. Свои действия они объясняли следующим образом: «Они же равноправными стали, как они решат и что постановят, так и мы подчинимся» [8].

Излишняя мягкость карательных органов к женщинам – участницам антисоветских выступлений (в т. ч. нередко и к женщинам-кулачкам) способствовала укреплению мнения об их безнаказанности. В качестве способов ликвидации женских вступлений чаще использовали уговоры, разъяснения или беседы, «после чего собранные женщины спокойно расходились по домам» [7, д. 377, л. 16]. Осуждение по статье «Контрреволюционная деятельность» (ст. 59 (2) тогдашнего УК РСФСР) встречается крайне редко. В случае же вынесения приговора он был достаточно мягок, чаще в виде принудительных работ в деревне. Государство опасалось «взрыва» в деревне, если начнет судить и крестьянок, да и массово наказывать женщин было не в российской традиции.

Участие в сопротивлении принимали и дети, служившие прикрытием и напоминанием местным партийцам о том, что они имеют дело с живыми людьми, которые нуждаются в гуманном отношении. Такая форма протеста (шествия) являлась не столько особенно-

стью данного исторического периода, сколько частью народной культуры сопротивления, которая сформировалась на селе задолго до известных событий.

Г) Сельские настроения времен коллективизации в зеркале сводок ОГПУ.

Увеличилось число людей, которые не верили в обещанное партией «светлое будущее». Оно им представлялось в темных красках, ужасным и бедственным. Все начинания, реформы, масштабные проекты, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, по их мнению, неспособны в скором времени изменить положение к лучшему, а наоборот, только будут все больше разорять население, приведя простого труженика к голодной смерти. «Жизнь в деревне могильная, ничего нет. Хлеба остались неубранными. Разве это дело?» [3, д. 55, л. 32]. Стоит отметить, что доля радикально настроенных людей всегда была невелика и не превышала и нескольких процентов.

В 1932–1933 гг. ситуация резко ухудшилась. В стране вспыхнул голод, который охватил почти все хлеботорговые районы страны, и ЦЧО не стала исключением. Опыт 1930 г. показал, что восстанием и бунтами крестьянину свое положение существенно не изменить, т. к. государство все равно продолжит «гнуть свою линию». Советская власть жестко пресекала все попытки недовольства, не давая возможности расширяться антигосударственным настроениям. С учетом этого крестьянство разделилось на тех, кто отказался от всех форм сопротивления, не видя смысла дальше бороться с властью, и на сторонников тактики «пассивного сопротивления». В первой группе надеялись, что «придут иностранные державы и устроят нам порядок» [7, д. 55, л. 87]. Именно в их среде распространялись различные слухи о скорой войне, о грядущем Страшном суде, массовом обновлении икон и т. д. Так, в селе Б. Криуши Тамбовского района крестьянин М.И. Колодин утверждал, что «по словам неизвестного странника по Библии предсказывается, что этим летом (1933) будет конец царствования Антихриста, будет установлена другая власть» [7, д. 55, л. 87]. ОГПУ массово арестовывало людей, распространявших такую информацию, но искоренить данное явление так не смогло.

Однако чаще крестьяне использовали тактику «пассивного сопротивления» [9, с. 167]. Всесилие власти побуждало их действовать

осторожно, но планомерно срывая все ее мероприятия. Так, излюбленным методом затягивания принятия решений стал бойкот, проявлявшийся в отказе участвовать в обсуждении, молчании на сходке. Несмотря на то, что власти считали этот «принцип молчания» заговором, он показал свою эффективность, т. к. позволял крестьянам временно озадачить, сбить с толку местных партработников и в то же время не рисковать, высказывая свое недовольство открыто. Встречались и другие формы скрытого протеста. Крестьяне проявляли чудеса изобретательности в уклонении от коллективизации. Так, в момент голосования по обсуждаемой резолюции врывались старухи, распеваящие «Христос воскрес», или кто-нибудь прибегал с известием, что в соседней деревне пожар. Временами эти приемы принимали явно издевательский оттенок. Например, крестьяне, казалось, были счастливы записаться в колхоз, но в последнюю минуту отказывались. Государство отвечало угрозами. В одном из сел Центрально-Черноземной области «представитель райкома отдал приказ, чтобы все крестьяне вступили в колхоз в течение 24 часов или предстанут перед революционным трибуналом» [6, с. 65]. Тем не менее, даже такая угроза особого воздействия не имела. ОГПУ рассматривало подобную деятельность крестьян как направленную на срыв социалистического строительства, но поделать с этим нечего не могло. Крестьяне, ссылаясь на свою темноту и необразованность, избегали ответственности, а установить зачинщиков не представлялось возможным. Те, кто все же решился вступить в колхоз, продолжали «пассивное сопротивление», выражавшееся в халатном отношении к работе, «непонимании» получаемых распоряжений, безынициативности, порче государственного имущества и т. д. К 1931–1932 гг., когда колхозникам стало понятно, какую огромную часть урожая государство намерено отбирать у них (в среднем, в рамках госзаготовок отчуждалось от 30 до 40 % валового сбора при «биологическом урожае»), данная форма протеста приняла такие масштабы, что Сталин называл ее «итальянкой» (итальянской забастовкой).

Таким образом, сводки и переписка ОГПУ позволяют нам сделать вывод, что крестьянский мир Козловского и Тамбовского округов неоднозначно воспринял коллективизацию. В большинстве своем обыкно-

венный труженик села был против нее, но государство смогло заставить его включиться в общегосударственную программу преобразования сельского хозяйства. Небольшая часть несогласных решила бороться, поднимая восстания, которые в силу неорганизованности, стихийности, разрозненности и немассовости достаточно быстро подавлялись. Не стоит забывать, что немалая доля крестьян сразу оценила и плюсы новой формы хозяйствования, в скором времени становясь ее яркими сторонниками.

-
1. Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 242. Л. 167-168. Подлинник // Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: в 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 209-210.
 2. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 835. Оп. 1.
 3. *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013.
 4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. М., 2001.
 5. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.
 6. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. Деревня. М., 2001.
 7. ГАСПИТО. Ф. 877. Оп. 1.
 8. *Черноморский М.Н. и др.* Роль рабочих бригад в борьбе за сплошную коллективизацию в Тамбовской деревне // Материалы по истории СССР. М., 1985. Вып. 1. С. 378-380.
 9. *Скотт Д.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., 1991.

-
1. Tsentral'nyy arkhiv FSB RF. F. 2. Op. 8. D. 242. L. 167-168. Podlinnik // Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD: v 4 t. M., 2005. T. 3. S. 209-210.
 2. GASPIITO (Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti). F. 835. Op. 1.
 3. *Nefedov S.A.* Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoy kollektivizatsii. Tambov, 2013.
 4. Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy: v 5 t. M., 2001.
 5. *Viola L.* Krest'yanskiy bunt v epokhu Stalina. Kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya. M., 2010.

6. *Fitspatrik Sh.* Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody. Derevnya. M., 2001.
7. GASBITO. F. 877. Op. 1.
8. *Chernomorskiy M.N. i dr.* Rol' rabochikh brigad v bor'be za sploshnyuyu kollektivizatsiyu v

- Tambovskoy derevne // Materialy po istorii SSSR. M., 1985. Vyp. 1. S. 378-380.
9. *Skott D.* Za Uralom. Amerikanskiy rabochiy v russkom gorode stali. M., 1991.

Поступила в редакцию 18.12.2013 г.

UDC 94(47).0846

SOCIAL AND POLITICAL ATTITUDES OF PEASANTS OF TAMBOV AND KOZLOV COUNTIES IN 1930–1933 ON THE BASIS OF REPORTS AND CORRESPONDENCES OGPU

Andrey Vladimirovich ZHIGULSKIY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian History Department, e-mail: zhigulskq@yandex.ru

A study of the socio-political mood of the peasants in the period of collective farming is considered. The features of the formation of the polar positions of villagers to the activities of Soviet power are given. The causes, course and consequences of peasant uprisings in 1930, as well as government measures to eliminate “pockets of discontent” are analyzed. The geographic scope of the spread of dissent is defined. A quantitative comparison scope of peasant unrest in the Tambov and Kozlov districts is considered. The cause of activity in some areas and in other inertia is given. Particular attention is paid to the social and political views of the peasants in the areas of “Antonov”. Separately the conditions of crime and banditry, and the nature and scope of its activities are examined. The position of the local population to this category of people and ways to combat rising crime authorities in the region are investigated. The role of the old wives riots in destabilizing the situation in the field is assessed. The source base of research is reports and correspondence of GPU contained in the collections of the State Archive of Socio-Political History of Tambov region. Access to this historical source has long been closed, which made it impossible to fully identify the relationship between power and features of the peasant society at the stage of socialist construction in the USSR.

Key words: GPU; social and political attitudes; Tambov and Kozlov districts; collective farming; peasant uprisings; banditry; old wives riots; “passive resistance”.